

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Михаил Михайлович Пришвин
Птичий сон
Серия «Охота»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 16 июня 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161974
М.Пришвин, сборник «Зеленый шум»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

Михаил Михайлович Пришвин Птичий сон

Замерли от холода все пауки. Сети их сбило ветром и дождями. Но самые лучшие сети, на которые пауки не пожалели лучшего своего материала, остались невредимы в дни осеннего ненастья и продолжали ловить все, что только способно было двигаться в воздухе. Летали теперь только листья, и так попался в паутину очень нарядный, багровый, с каплями росы осиновый лист. Ветер качал его в невидимом гамаке. На мгновение выглянуло солнце, сверкнули алмазами капли росы на листе. Это мне бросилось в глаза и напомнило, что в эту осень мне, старому охотнику, непременно нужно познакомиться с жизнью глухарей в то время, как их самым большим лакомством становится осиновый лист и, как не раз приходилось слышать и читать, будто бы приблизительно за час до заката они прилетают на осины, клюют дотемна, засыпают на дереве и утром тоже немного клюют.

Я нашел их неожиданно возле маленькой вырубki в большом лесу. При переходе через ручей у меня чавкнул сапог, и оттого с осины над самой моей головой слетела глухарка. Эта высокая осина стояла на самом краю вырубki среди бора, и их тут было немало вместе с березами. Спор с соснами и еля-

ми за свет заставил подняться их очень высоко. В нескольких шагах от края вырубki была лесная дорожка, разъезженная, черная, но там, где стояла осина, листва ее ложилась на черное ярким, далеко видным бледно-желтым пятном; по этим пятнам было очень неудобно скрадывать, потому что глухари ведь должны быть теперь только на осинах. Вырубка была совсем свежая, последней зимы, поленицы дров за лето потемнели и погрузились в молодую осиновую поросль с обычной яркой и очень крупной листвой. На старых же осинах листва почти совсем пожелтели. Я крался очень осторожно по дорожке от осины к осине. Шел мелкий дождь, и дул легкий ветер, листва осины трепетали, шелестели, капли тоже всюду тукали, и оттого невозможно было слышать звук срываемых глухарями листьев.

Вдруг на вырубке из молодого осинника поднялся глухарь и сел на крайнюю осину по ту сторону вырубki, в двухстах шагах от меня. Я долго следил за ним, как он часто щиплет листва и быстро их проглатывает. Случалось, когда ветер дунет порывом, и вдруг все смолкнет, до меня долетал звук отрыва или разрыва листа глухарем. Я познакомился с этим звуком в лесу. Когда глухарь ощипал сук настолько, что ему нельзя было дотянуться до хороших листьев, он попробовал спрыгнуть на ветку пониже, но она была слишком тонка и согнулась, и глухарь поехал ниже, крыльями удерживая себя от падения. Вскоре я услышал такой же сильный треск и шум на моей стороне, а потом еще, и понял, что везде вокруг ме-

ня наверху в осинах, спрятанных в хвойном лесу, сидят глухари. Я понял, что днем все они гуляли по вырубке, ловили насекомых, глотали камешки, а на ночь поднялись на осины, чтобы перед сном полакомиться своим любимым листом.

Мало-помалу, как почти всегда у нас, западный ветер перед закатом стал затихать. Солнце вдруг все, со всеми своими лучами, бросилось в лес. Я продолжил ладонями свои ушные раковины и среди легкого трепета осиновых листьев расслышал звук отрыва листа, более глухой и резкий, чем гулкое падение капель. Тогда я осторожно поднялся и начал скрадывать. Это было не под весеннюю песню скакать, когда глухарь ничего не слышит, поручая всего себя песне, направляемой куда-то в зенит. Особенно же трудно было перейти одну большую лужу, подостланную как будто густо осиновым листом, на самом же деле очень тинистую и топкую. Ступню нужно было выпрямлять в одну линию с ногой, как это у балерин, чтобы при вынимании грязь не чавкнула. И когда вынешь тихо ногу из грязи и капнет с нее в воду, кажется ужасно как громко. Между тем вот мышонок бежит под листвой, и она разваливается после него, как борозда, с таким шумом, что если бы мне так, глухарь давно бы улетел. Верно, звук этот ему привычный, он знает, что мышь бежит, и не обращает внимания. И если сучок треснет под ногой у лисицы, то, наверное, он будет знать наверху, что это по своим делам крадется безопасная ему лисица. Но мало ли что не придет в голову человеку, чего-чего ему только не вздумает-

ся, и оттого все его шумы резко врываются в общую жизнь. Однако страсть рождает неслыханное терпение, и, будь бы время, вполне бы возможным было достигнуть кошачьих движений, но срок поставлен, солнце село, еще немного, и стрелять нельзя. У меня сомнения не оставалось нисколько в том, что мой глухарь сидит с той стороны стоящей передо мной осины. Но обойти ее я бы не решился и все равно не успел бы. Что же делать? Было во всей желтой кроне осины только одно узенькое окошечко на ту сторону в светлое небо, и вот это окошечко теперь то закроется, то откроется. Я понял, – это глухарь клюет, и это его голова закрывает, видна даже бородка этой глухариной головы.

Мало кто умеет, как я, стрельнуть в самое мгновение первого понимания дела. Но как раз в это мгновение произошла перегрузка на невидимый сучок под ногой, он треснул, окошко открылось. И потом еще хуже – почуяв опасность, глухарь стал хрюкать, вроде как бы ругаться на меня. А еще было: другой ближайший глухарь как раз в это время съехал с ветки и открылся мне совершенно. По дальности расстояния не мог я стрельнуть в него, но также не мог и сдвинуться с места: он бы непременно увидел. Я замер на одной ноге, другая, ступившая на сучок, осталась почти без опоры. А тут какие-то другие глухари прилетели ночевать и стали рассказываться вокруг. Один из них стал цокать и ронять с высокой осины веточки, те самые, наискось срезанные, по которым мы безошибочно узнаем ночевку глухарей. Мало-пома-

ду мой глухарь, однако, успокоился. По всей вероятности, он сидел с вытянутой шеей и посматривал в разные стороны. Скоро внизу у нас с мышонком, который все еще шелестел, стало совершенно темно. Исчез во мраке видимый мне глухарь. Полагаю, что все глухари уснули, спрятав под крылья свои бородатые головы. Тогда я поднял онемелую ногу, повернулся и с блаженством прислонил усталую спину к тому самому дереву, на котором спал теперь безмятежно потревоженный мною глухарь.

Нет слов передать, каким становится бор в темноте, когда знаешь, что у тебя над головой сидят, спят громадные птицы, последние реликты эпохи крупных существ. И спят-то не совсем даже спокойно, там шевельнулся, там почесался, там цокнул. Одному мне ночью не только не было страшно и жутко, напротив, как будто к годовому празднику в гости приехал к родне. Только вот что: очень сыро было и холодно, а то бы тут же вместе с глухарями блаженно уснул. Вблизи где-то была лужа, и, вероятно, это туда с высоты огромных деревьев поочередно сучья роняли капли, высокие сучья были и низкие, большие капли были и малые. Когда я проникся этими звуками и понял их, то все стало музыкой прекраснейшей взамен той хорошей обыкновенной, которой когда-то я наслаждался. И вот, когда в диком лесу все ночное расположилось по мелодии капель, вдруг послышался ни с чем не сообразный храп.

Это вышло не из страха, что-то ни с чем не сообразное

ворвалось в мой великий концерт, и я поспешил уйти из дикого леса, где кто-то безобразно храпит.

Когда я проходил по деревне, то везде храпели люди, животные, все было слышно на улице, на все это я обращал внимание после того лесного храпа. Дома у нас в кладовке диким храпом заливался Сережа, хозяйский сын, в чулане же Домна Ивановна со всей семьей. Но самое странное я услышал среди храпа крупных животных на дворе тончайший храп еще каких-то существ и открыл при свете электрического фонарика, что это гуси и куры храпели.

И даже во сне я не избавился от храпа. Мне, как это бывает иногда во сне, вспомнилось такое, что, казалось бы, никогда не вернется на свет. В эту ночь вернулись все мои старые птичьи сны.

И вдруг понял, что ведь это в лесу не кто другой, а глухарь храпел, и непременно же он! Я вскочил, поставил себе самовар, напился чаю, взял ружье и отправился в лес на старое место. К тому же самому дереву я прислонился спиной и замер в ожидании рассвета. Теперь, после кур, гусей, мой слух разбирал отчетливо не только храп сидящего надо мной глухаря, но даже и соседнего.

Когда известная вестница зари пикнула и стало белеть, храп прекратился. Открылось и окошечко в моей осинке, но голова не показывалась. Вставало безоблачное утро, и очень быстро светлело. Соседний глухарь шевельнулся и тем открыл себя: я видел его всего хорошо. Он, проснувшись, го-

лову свою на длинной шее бросил, как кулак, в одну сторону, в другую, потом вдруг раскрыл весь хвост веером, как на току. Я слышал от людей об осенних токах и подумал, не запоет ли он. Но нет, хвост собрался, опустился, и глухарь очень часто стал доставать листы. В это самое время, вероятно, мой глухарь начал рвать, потому что вдруг я увидел в окошке его голову с бородкой.

Он был так отлично убит, что внизу совсем даже и не шевельнулся, только лапами мог впиться крепко в кору осины, – вот и все! А стронутые им листья еще долго слетали. Теперь, раздумывая о храпе, я полагаю, что это дыхание большой птицы, выходящее из-под крыла, треплет звучно каким-нибудь перышком. А, впрочем, верно я даже не знаю, спят ли действительно глухари непременно с запрятанной под крылом головой. Я это с домашних птиц беру. Догадок и басен много, а действительная жизнь леса так еще мало понятна.